

Тихий дар.

Юай Чоксахват

Тихий дар.

«Автор»

2026

Чоксахват Ю.

Тихий дар. / Ю. Чоксахват — «Автор», 2026

В спокойную жизнь обеспеченной семьи приходит подарок, который нельзя назвать дорогим по цене, но невозможно забыть по смыслу. За ним стоит человек, годами любивший молча, без надежды и без права требовать ответа. Сначала это кажется неловкостью, почти нарушением границ. Потом — странной историей, которую хочется поскорее закрыть. И только позднее становится ясно: иногда самое большое чувство проходит рядом так тихо, что его замечают лишь после потери. «Тихий дар» — камерная психологическая проза о любви, достоинстве и прощении.

© Чоксахват Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Тихий дар	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Юай Чоксахват

Тихий дар.

Тихий дар

Yuai Choksahwat

Серия «Книга времени»

I

В середине августа, перед самым новолунием, внезапно началась отвратительная погода, такая типичная для северного побережья Чёрного моря. То сутками напролёт над землёй и морем висел густой туман, и тогда мощная сирена на маяке ревела днём и ночью, словно раненый зверь. То с утра до вечера лил мелкий, как пыль, дождь, превращая глинистые дороги в непролазную грязь, где вязли грузовики и легковушки. То с северо-запада, со стороны степи, налетал свирепый ветер; от него верхушки деревьев гнулись до земли, точно волны в шторм, гремели по ночам металлические крыши коттеджей, казалось, будто кто-то бегаёт по ним в тяжёлых ботинках, дрожали окна, хлопали двери, и дико завывало в вентиляционных трубах. Несколько рыбацких лодок потерялись в море, а две так и не вернулись: только спустя неделю волны выбросили тела рыбаков на берег в разных местах.

Жители приморского посёлка – в основном, греки и евреи, жизнелюбивые и тревожные, как все южане, – спешно уезжали в город. По размокшей дороге без конца тянулись грузовики, забитые домашним скарбом: матрасами, диванами, коробками, стульями, раковинами, чайниками. Жалко, грустно и противно было смотреть сквозь пелену дождя на этот убогий хлам, казавшийся таким старым, грязным и никчёмным; на домработниц и нянь, сидевших наверху кузова на мокром брезенте с какими-то утюгами, банками и сумками в руках, на уставших лошадей, которые то и дело останавливались, дрожа коленями, тяжело дыша и часто вздрагивая боками, на хрипло матерящихся водителей, закутанных от дождя в плащ-палатки. Ещё печальнее было видеть опустевшие дома с их внезапной пустотой и заброшенностью, с испорченными клумбами, разбитыми стёклами, брошенными собаками и всяким мусором из окурков, бумажек, осколков, коробок и пустых бутылок.

Но к началу сентября погода вдруг резко и совершенно неожиданно изменилась. Наступили тихие, безоблачные дни, такие ясные, солнечные и тёплые, каких не было даже в июле. На высохших полях, на их колючей жёлтой щетине, заблестела осенняя паутина. Успокоившиеся деревья тихо и покорно роняли жёлтые листья.

Княгиня Вера Николаевна Шеина, жена местного главы администрации, не могла уехать из загородного дома, потому что в их городской квартире ещё не закончили ремонт. И теперь она очень радовалась наступившим прекрасным дням, тишине, уединению, чистому воздуху, щебетанию ласточек на проводах, готовящихся к отлёту, и ласковому солённому ветерку, слабо дувшему с моря.

II

Кроме того, сегодня был день её рождения – 17 сентября. По милым, далёким воспоминаниям детства она всегда любила этот день и всегда ждала от него чего-то счастливого и чудесного. Муж, уезжая утром по срочным делам в город, положил ей на прикроватный столик футляр с красивыми серьгами из грушевидного жемчуга, и этот подарок ещё больше поднял ей настроение.

Сегодня, семнадцатого сентября, был её день рождения. С детства этот день был наполнен ожиданием чуда, маленького личного праздника. Муж, уезжая утром по срочным делам в

город, оставил на прикроватной тумбочке футляр с изящными серьгами из жемчуга в форме капли. Этот подарок поднял ей настроение.

Она была одна в доме. Её неженатый брат Николай, помощник прокурора, обычно живший с ними, тоже уехал в город, в суд. Муж обещал вернуться к обеду с небольшим кругом самых близких друзей. Хорошо, что день рождения совпал с дачным сезоном. В городе пришлось бы устраивать большой званый обед, возможно, даже вечер, а здесь, на даче, можно обойтись скромными расходами. Князь Шеин, несмотря на своё положение в обществе, или, может быть, благодаря ему, едва сводил концы с концами. Огромное родовое поместье было почти разорено его предками, а жить приходилось на широкую ногу: приёмы, благотворительность, дорогая одежда, содержание машин. Княгиня Вера, чья прежняя страстная любовь к мужу давно переросла в крепкую, верную дружбу, изо всех сил старалась помочь мужу избежать полного краха. Она во многом отказывала себе, незаметно для него, и экономила на домашнем хозяйстве.

Сейчас она ходила по саду и осторожно срезала ножницами цветы для украшения стола. Клумбы выглядели опустевшими и неухоженными. Доцветали разноцветные махровые гвоздики и левкои – наполовину в цветах, наполовину в тонких зелёных стручках с запахом капусты. Розовые кусты в третий раз за лето давали бутоны и розы, но уже мелкие, редкие, словно выродившиеся. Зато пышно цвели георгины, пионы и астры, источая в прозрачном воздухе осенний, травянистый, немного грустный аромат. Остальные цветы, после роскошного цветения и обильного летнего плодородия, тихо осыпали на землю бесчисленные семена будущей жизни.

Вдалеке на шоссе послышался знакомый сигнал автомобиля – громкий гудок трехтонника. Это подъезжала сестра Веры, Анна Николаевна Фриессе, которая утром по телефону обещала приехать помочь сестре с приёмом гостей и по хозяйству.

Тонкий слух не обманул Веру. Она вышла встречать. Через пару минут у ворот коттеджного поселка плавно затормозил элегантный кроссовер, и водитель, проворно выскочив, распахнул заднюю дверь.

Сестры обнялись, радостно целуясь. С самого детства их связывала теплая, заботливая дружба. При этом внешне они поразительно не походили друг на друга. Старшая, Вера, унаследовала от матери, некогда признанной красавицы, высокую, гибкую фигуру, нежное, но холодное и гордое лицо, красивые, хотя и довольно крупные руки, и ту очаровательную покатошь плеч, что можно увидеть на старинных фотографиях. Младшая – Анна, наоборот, взяла от отца, потомка старинного татарского рода, чьи предки приняли крещение лишь в позапрошлом веке. Она была на полголовы ниже сестры, чуть шире в плечах, живая и непоседливая, вечная насмешница. Лицо с выраженными скулами, узкими глазами, которые она прищуривала из-за близорукости, с надменным выражением маленького чувственного рта, особенно чуть выдвинутой вперед полной нижней губы, – это лицо, тем не менее, пленяло какой-то неуловимой прелестью, возможно, в улыбке, возможно, в глубокой женственности черт, возможно, в пикантной, задорно-кокетливой мимике. Её грациозная некрасивость привлекала внимание мужчин гораздо чаще и сильнее, чем аристократическая красота сестры.

Анна была замужем за очень богатым и не слишком умным человеком, который ничем особенным не занимался, но числился при какой-то общественной организации. Мужа она не любила, но родила от него двоих детей – сына и дочь; больше рожать она не планировала. Вера же, наоборот, мечтала о детях, и ей казалось, чем больше, тем лучше, но по каким-то причинам у нее не получалось забеременеть, и она с нежностью обожала хороших, воспитанных детей младшей сестры, всегда опрятных и послушных.

Анна вся состояла из веселой безалаберности и милых, порой странных противоречий. Она охотно флиртowała со всеми подряд, но никогда не изменяла мужу, которого, однако, высмеивала при каждом удобном случае; была расточительна, любила азартные игры, танцы,

яркие впечатления, посещала за границей модные клубы, но в то же время отличалась щедростью и глубокой, искренней верой. У нее были редкой красоты спина, грудь и плечи.

Вера же была сдержанно проста, со всеми холодно и немного свысока любезна, независима и царственно спокойна.

III

– Боже мой, как у вас здесь хорошо! Как хорошо! – говорила Анна, идя быстрыми шагами рядом с сестрой по дорожке. – Если можно, посидим немного на скамейке у обрыва. Я так давно не видела моря. И какой чудесный воздух: дышишь – и настроение поднимается. В прошлом году в Крыму я сделала удивительное открытие. Знаешь, чем пахнет морская вода во время прибоя? Представь себе – резедой.

Вера ласково улыбнулась:

– Ты фантазерка.

— Ты фантазерка, Ань.

— Нет, вовсе нет. Помнишь, как все смеялись, когда я сказала, что в лунном свете есть розоватый оттенок? А на днях Володя Борицкий, тот, что мой портрет пишет, согласился, что я права, что художники это давно знают.

— Художник – твое новое увлечение?

— Ну ты как всегда! – рассмеялась Аня и, подбежав к краю обрыва, отвесно уходящего вниз, к морю, заглянула вниз и вдруг вскрикнула от ужаса, отшатнувшись с побледневшим лицом.

— Ой, как высоко! – произнесла она дрожащим голосом. – Когда я смотрю с такой высоты, у меня всегда как-то сладко и противно щекочет в груди... и пальцы на ногах сводит... И все равно тянет, тянет...

Она хотела еще раз нагнуться над обрывом, но Вера остановила ее.

— Аня, ради бога! У меня у самой голова кружится, когда ты так делаешь. Прошу тебя, сядь.

— Ладно, ладно, села... Но ты только посмотри, какая красота, какая радость – глаз не оторвать. Если бы ты знала, как я благодарна за все, что у нас есть!

Обе на минуту задумались. Глубоко внизу простиралось море. Со скамейки не было видно берега, и оттого ощущение бесконечности и величия морского простора еще больше усиливалось. Вода была спокойна и синяя, светлея лишь полосами в местах течения и переходя в густо-синий цвет на горизонте.

Рыбацкие лодки, едва различимые – такими они казались маленькими, – покачивались на волнах недалеко от берега. А дальше, словно застыв в воздухе, стоял сухогруз, весь сверху донизу увешанный контейнерами.

— Я тебя понимаю, – задумчиво сказала Вера, – но у меня как-то не так, как у тебя. Когда я в первый раз вижу море после долгого времени, оно меня и волнует, и радует, и поражает. Как будто я впервые вижу огромное чудо. Но потом, когда привыкну к нему, оно начинает меня давить своей пустотой... Мне становится скучно, и я стараюсь больше не смотреть. Надоедает.

Аня улыбнулась.

— Чему ты? – спросила Вера.

— Прошлым летом, – сказала Аня лукаво, – мы из Одессы поехали на джипах в дельту Дуная. Сначала попали в туман, было сыро и ничего не видно, а мы все ехали по проселочной дороге. И вдруг как-то сразу выехали из тумана. Представь себе: узкая полоска земли, а под ногами у нас – болото. Хаты внизу кажутся не больше спичечного коробка, поля и сады – как мелкая травка. Вся местность спускается к морю, как на карте. А там дальше – море! На десятки километров. Мне казалось, я повисла в воздухе и вот-вот полечу. Такая красота, такая легкость! Я оборачиваюсь назад и говорю водителю в восторге: «Ну что? Хорошо?» А он только рукой махнул: «Эх, девушка, как мне все это надоело. Каждый день одно и то же».

— Спасибо за сравнение, – засмеялась Вера, – нет, я думаю, что нам, городским, никогда не понять прелести моря. Я люблю парки. Помнишь парк у нас в Ирпене?.. Разве он может когда-нибудь надоест? Сосны!.. А какие белки!.. А эти лавочки с вай-фаем! Тишина такая... свежий воздух.

— Мне все равно, я все люблю, — ответила Аня. — А больше всего люблю мою сестренку, мою разумную Верочку. У нас ведь только двое друг у друга и есть.

Она обняла старшую сестру и прижалась к ней щекой. И вдруг словно опомнилась.

— Ой, какая же я дура! Мы тут с тобой, как в сериале, сидим и болтаем о природе, а я совсем забыла про свой подарок. Вот, смотри. Только боюсь, понравится ли?

Она достала из своей сумочки маленький блокнот в необычном переплете: на старом, выцветшем до серого синем бархате вился тускло-золотой филигранный узор редкой сложности и красоты — явно ручная работа искусного мастера. К блокноту крепилась тоненькая золотая цепочка, а листки внутри были заменены на пластины из слоновой кости.

— Какая прелесть! Просто чудо! — сказала Вера и поцеловала сестру. — Спасибо тебе огромное. Где ты нашла такое сокровище?

— В одной антикварной лавке. Ты же знаешь, я люблю копаться во всяком старье. Вот и наткнулась на этот... молитвослов, наверное. Видишь, как орнамент образует крест? Правда, я нашла только обложку, остальное пришлось самой придумывать — листочки, застёжки, карандаш. Но этот Моллине вообще меня не понимал, как я ему ни объясняла. Застёжки должны были быть в том же стиле, что и узор, матовые, под старое золото, с тонкой резьбой, а он какую-то ерунду сделал. Зато цепочка настоящая, венецианская, очень старая.

Вера нежно погладила красивый переплет.

— Какая древность! Сколько же ему лет? — спросила она.

— Боюсь точно сказать. Примерно конец семнадцатого, начало восемнадцатого века...

— Странно, — задумчиво улыбнулась Вера. — Держу в руках вещь, к которой, может, прикасалась какая-нибудь маркиза Помпадур... Но знаешь, Ань, только тебе могло прийти в голову переделать молитвослов в дамский блокнот. Ладно, пойдем посмотрим, что там у нас происходит.

Они вошли в дом через большую террасу, увитую виноградом «Изабелла». Черные гроздья, пахнущие клубникой, тяжело свисали между темной зеленью, местами освещенной солнцем. На террасе царил зеленый полумрак, от которого лица женщин сразу побледнели.

— Ты здесь будешь накрывать? — спросила Аня.

— Да, я сначала так думала... Но вечера сейчас холодные. Лучше в столовой. А мужчины пусть сюда выходят курить.

— Будет кто-нибудь интересный?

— Пока не знаю. Точно будет наш дедушка.

— Ах, дедушка! Какая радость! — воскликнула Аня и всплеснула руками. — Я его сто лет не видела.

— Будет сестра Васи и, кажется, профессор Спешников. Я вчера, Анечка, просто с ума сходила. Ты же знаешь, как они все любят поесть — и дедушка, и профессор. А ни здесь, ни в городе ничего не достать ни за какие деньги. Лука где-то перепелов нашел — заказал знакомому охотнику — и что-то с ними колдует. Ростбиф достали вроде неплохой, — увы! — неизбежный ростбиф. Раки очень хорошие.

— Ну, не так уж и плохо. Не переживай. Впрочем, между нами, ты и сама любишь вкусно поесть.

— Но будет и кое-что необычное. Сегодня утром рыбак принёс морского чёрта. Я сама видела. Прямо какое-то чудовище. Даже жутко.

Анна, с жадным любопытством ко всему, что её касалось и что не касалось, тут же потребовала, чтобы ей принесли показать эту рыбу.

Пришёл высокий, бритый, желтолицый повар Лука с большим продолговатым белым тазом, который он с трудом, осторожно держал за края, боясь расплескать воду на ламинат.

– Пять кило двести, ваше сиятельство, – сказал он с особенной поварской гордостью. – Мы только что взвесили.

Рыба была слишком велика для таза и лежала на дне, изогнув хвост. Её кожа переливалась тёмными цветами, а от огромной хищной морды шли в стороны два тёмных, как веер, длинных плавника. Морской чёрт был ещё жив и усиленно работал жабрами.

Младшая сестра осторожно дотронулась мизинцем до головы рыбы. Но чёрт неожиданно дёрнул хвостом, и Анна с визгом отдёрнула руку.

– Не извольте беспокоиться, ваше сиятельство, всё в лучшем виде устроим, – сказал повар, очевидно понимавший тревогу Анны. – Сейчас узбек привёз две дыни. "Торпеды". Вроде как канталупы, но только запах куда ароматнее. И ещё осмелюсь спросить ваше сиятельство, какой соус прикажете подавать к чёрту: тартар или польский, а то можно просто сухари в масле?

– Делай, как знаешь. Ступай! – сказала княгиня.

IV

После семнадцати часов стали съезжаться гости. Князь Василий Львович привёз с собою вдовую сестру Людмилу Львовну, по мужу Дурасову, полную, добродушную и необыкновенно молчаливую женщину; светского молодого богатого прожигателя жизни Васючка, которого весь город знал под этим фамильярным именем, очень приятного в обществе умением петь и декламировать, а также устраивать перформансы, спектакли и благотворительные аукционы; знаменитую пианистку Женни Рейтер, подругу княгини Веры по институту благородных девиц, а также своего шурина Николая Николаевича. За ними приехал на "мерседесе" муж Анны с бритым толстым, безобразно огромным профессором Спешниковым и с местным вице-губернатором господином Вольфом. Позднее других приехал генерал Аносов, на хорошем наёмном "гелендвагене", в сопровождении двух офицеров: штабного полковника Пономарёва, преждевременно состарившегося, худого, желчного человека, измождённого непосильной штабной работой, и гвардейского десантного лейтенанта Бахтинского, который славился в Москве как лучший танцор и несравненный организатор вечеринок.

Генерал Аносов, тучный, высокий, седой старец, тяжело слезал с подножки, держась одной рукой за поручни, а другой – за спинку сиденья. В левой руке он держал слуховой аппарат, а в правой – трость с резиновым наконечником. У него было большое, грубое, красное лицо с мясистым носом и с тем добродушно-величавым, чуть-чуть презрительным выражением в прищуренных глазах, расположенных лучистыми, припухлыми полукругами, какое свойственно мужественным и простым людям, выдавшим часто и близко перед своими глазами опасность и смерть. Обе сестры, издали узнавшие его, подбежали к машине как раз вовремя, чтобы полусуто, полусерьёзно поддержать его с обеих сторон под руки.

– Точно... патриарха! – сказал генерал ласковым хрипловатым басом.

– Дедушка, ну где ты пропадаешь! – Вера укоризненно покачала головой. – Мы тебя каждый день ждем, хоть бы позвонил.

– Наш дедушка на юге совсем совесть потерял, – подхватила Анна, смеясь. – О крестнице хоть бы вспомнил! А он там курортничает, про нас забыл...

Генерал, сверкнув лысиной, поцеловал обеим сестрам руки, потом в щеки, и снова руки.

– Девочки... погодите... не ругайтесь, – проговорил он, прерываясь из-за одышки. – Честное слово... эти врачи... все лето меня в какой-то жиге вымачивали... от ревматизма... воняет ужасно... И не выпускали... Вы первые... к кому приехал... Рад вас видеть... Как вы тут?... Верочка... совсем взрослая... на маму похожа... Когда крестить позовешь?

– Ой, боюсь, дедушка, что нескоро...

– Не переживай... все еще будет... Молись... А ты, Аня, совсем не меняешься... В шестьдесят лет будешь такая же егоза. Пстойте-ка. Позвольте представить офицеров.

– Я уже имел честь! – поклонился полковник Понамарев.

– Я был представлен княгине в Петербурге, – добавил гусар.

– Ну, тогда познакомлю тебя, Аня, с лейтенантом Бахтинским. Танцор и сорвиголова, но кавалерист хороший. Бахтинский, достань-ка из машины... Пойдемте, девочки... Чем кормить будешь, Верочка? У меня... после этой диеты... аппетит, как у курсанта...

Генерал Аносов был боевым товарищем и верным другом покойного князя Мирза-Булат-Тугановского. После его смерти он перенес всю свою дружбу и любовь на его дочерей. Он знал их еще совсем маленькими, а младшую Анну даже крестил. Тогда – как и сейчас – он был комендантом большого, но почти упраздненного гарнизона в городе К., и часто бывал в доме Тугановских. Дети обожали его за подарки, за походы в кино и цирк, и за то, что никто так увлекательно не умел с ними играть, как Аносов. Но больше всего им запомнились его рассказы о службе, об учениях и выездах на полигон, о победах и неудачах, о ранениях и холоде – неторопливые, спокойные, простые рассказы, которые он рассказывал между чаем и тем скучным часом, когда детей отправляли спать.

По нынешним временам этот осколок прошлого казался исполинской и необыкновенно колоритной фигурой. В нем сочетались те простые, но трогательные и глубокие черты, которые и в его времена чаще встречались в солдатах, чем в офицерах, те чисто русские черты, которые в соединении давали возвышенный образ, делавший иногда нашего солдата не только непобедимым, но и мучеником, почти святым, – черты, состоявшие из бесхитростной веры, ясного, добродушно-веселого взгляда на жизнь, холодной отваги, покорности перед лицом опасности, сочувствия к пострадавшим, бесконечного терпения и поразительной выносливости.

По нынешним временам, он казался глыбой из прошлого, фигурой одновременно и внушительной, и трогательно-неуклюжей. В нём сочетались те самые простые, но глубокие черты, которые и раньше чаще встречались среди обычных солдат, чем среди офицеров. Те самые исконно русские, крестьянские качества, которые, соединяясь, создают возвышенный образ, делавший порой нашего бойца не просто непобедимым, но и мучеником, почти святым. Речь о бесхитростной, наивной вере, ясном, добродушно-весёлом взгляде на жизнь, хладнокровной и деловой отваге, покорности перед лицом смерти, жалости к поверженному врагу, бесконечном терпении и поразительной физической и моральной выносливости.

Аносов, начиная с 2014 года, участвовал почти во всех горячих точках. И сейчас бы пошёл на передовую без колебаний, но его не призывали, а у него всегда было железное правило, продиктованное скромностью: "Не рвись на смерть, пока не позовут". За всю свою службу он ни разу не повысил голос на солдата, не говоря уже о рукоприкладстве. В 2015-м, во время боёв за Дебальцево, он отказался расстреливать пленных, несмотря на прямой приказ комбата. "Шпиона я не только расстреляю, – сказал он тогда, – но, если прикажете, лично придушу. А это пленные, они безоружны, я не могу". И произнёс он это так просто, почтительно, без тени вызова или позёрства, глядя прямо в глаза начальнику своими ясными, твёрдыми глазами, что его, вместо трибунала, оставили в покое.

К 2024 году он быстро дослужился до подполковника, несмотря на то, что был малообразован или, как он сам выражался, "академиев не кончал". Участвовал в боях за Мариуполь, держал оборону под Кременной, штурмовал Авдеевку. Ранили его дважды тяжело, трижды легко, и, кроме того, он получил тяжёлую контузию от прилёта дрона-камикадзе. Генерал Лапин и генерал Мордвичев знали его лично и относились к нему с исключительным уважением. Именно про него как-то сказал Мордвичев: "Я знаю одного офицера, который храбрее меня в десять раз, – это майор Аносов".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.